

Е. Э. СУРОВА

Доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

ПОВСЕДНЕВНОЕ ОБЩЕНИЕ В СЕТИ

Статья посвящена исследованиям обыденного языка в контексте повседневности. Особое внимание уделено коммуникативным особенностям Интернет-пространства. В нем язык используется в рамках новых правил, когда индивид является в достаточной мере свободен в выборе стиливых, лексических, графических и прочих позиций. Такие особенности осуществления взаимодействия в сетевом пространстве позволяют пользователям достигать высокой степени взаимопонимания. Специфика сетевых языков во многом соответствует специфике социокультурного пространства современности. *Ключевые слова:* обыденный язык, повседневность, коммуникация, Интернет, Сеть, современные социокультурные сообщества.

Обыденный язык принято рассматривать как язык повседневного общения, тяготеющий к устному режиму существования. Мы находимся внутри этого языка, следовательно, действуем сообразно ему. Это дает возможность рассмотреть язык как практики воздействия на мир. Но язык как деятельность предполагает языковую игру, в которую мы оказываемся вовлечены, наблюдая акты превращений реальности в речевой деятельности.

Границы представлений о том, чем является обыденный язык, в достаточной мере условны, как условны и критерии определения «обыденности» и «повседневности» в целом. Но мы обычно понимаем, какие слова и выражения относятся к данной области языка. Для их применения нет отчетливых правил, но есть регламентации общепринятого употребления, которые «мягко рекомендуют», часто на уровне здравого смысла, указывая способ и диапазон применимости. Тем не менее, речь допускает и нетипичное использование слов и выражений, что является частью языковой игры. То же касается и структурирования речи, где логические основания являются условными, скорее, подразумеваются, а их нарушение обнаруживает резервы смысла.

Каждый человек заведомо понимает, что именно он хочет сказать, и формирует свое высказывание на основании опыта и знакомства с речевыми «обычаями». Данная ситуация приводит к своеобразному парадоксу. Слова и письменные фразы могут быть неверными, ложными, а речевое высказывание не может. Речь может быть по-разному сформирована, может обладать большей или меньшей изошренностью, быть грамматически верно структурированной или «свернутой», предполагающая опущение ряда слов. Но для нее невозможно выработать устойчивые правила, поскольку обыденный язык — это язык живой, ситуативный и постоянно изменяющийся. Несмотря на некоторые неписанные рекомендации, обеспечивающие взаимопонимание и эффективность коммуникации, в живой речи правила носят гибкий характер. В ряде случаев речь предполагает употребление «пустых» высказываний, смысл которых носит этикетный, формальный характер.

Подобными вопросами занимался, в частности, А. Н. Хомский, писавший о том, что нормальное овладение речью предполагает не только восприятие безусловного нового, но и понимание неправильно построенной речи. В целом, нам важно не столько произнести что-либо, сколько донести сказанное до получателя. Здесь и становится столь значимым сам ход речи, которая уже может и не подчиняться грамматическим правилам. Таким образом, получаемая информация характеризуется некоей мерой неопределенности в отношении отправителя, получателя, возможного референта и сопутствующих контекстов, она побуждает к продолжению «языковых игр», которые как языки культуры понимаются только с помощью друг друга, в своей совокупности.

Так, Г. Гарфинкеля интересовал процесс интериоризации речевого акта, включавший сложную мыслительную операцию внутреннего разговора, когда вовне попадает лишь часть высказывания — она становится фразой, воспринимаемой только через контекст. Восстановление контекста и реконструкция полноты высказывания — интересная процедура, позволяющая увидеть повседневную культуру индивида и общества «изнутри» самого высказывания. В социокультурной среде индивид может получать внешнюю информацию о мире, прежде всего, о мире культуры, но полное обретение коллективного опыта возможно только благодаря внутренней интерпретативности, которая позволяет человеку «освоить» ситуацию для себя самого. При взаимодействии между собеседниками возникает контекстуальное поле — область возможных соотношенных позиций опыта. Знание контекста участниками коммуникации позволяет «экономить» на полноте высказывания, опуская излишние подробности, очевидные при непосредственном наблюдении. Но возможны и нарушения понимания, поскольку собеседник может быть не осведомлен о каких-то, кажущихся очевидными, обстоятельствах: это может быть специфика обозначения / именованя, соотношенность с информацией, имеющей общедоступное, но незнакомое собеседнику содержание, неожиданность эмоциональных проявлений определенного порядка по отношению к объекту обсуждения и т. д. Именно сбой в коммуникации и привлекали основное внимание Г. Гарфинкеля.

Интерес к изучению быденного языка проявили также математики и кибернетики, в их числе выдающийся логик А. Тарский и его последователи. Они занимались изучением самоорганизующихся систем, к каковым могут быть отнесены и речевые практики. В кибернетике быденный язык рассматривается как организм, который формируется в определённых жизненных условиях, а в дальнейшем продолжает интенсивно развиваться. Кроме того, в рамках данных теорий возникает предположение о возможности конструирования абстрактной модели естественного языка, который в этом качестве стал бы универсальной семиотической системой. Это позволило бы создавать оптимальные искусственные языки, в том числе и для «машинной коммуникации». В живой речи слово является знаком, прочитываемым в возможном поле интерпретативных значений, что предполагает мягкую структуру быденного языка. Создание искусственной модели даёт возможность укрепить нормативные позиции, сделав их предельно отчетливыми и удобными для использования, например, в межкультурном общении. Преимущество быденного языка

в том, что он является «метаязыком» по отношению к остальным языкам различного порядка, находящимся во взаимодействии и составляющим «иерархию» языков. Именно в обыденном языке как устанавливаются высказывания, так и определяется их правомерность.

Интересно, что обыденный язык, содержащий в себе определенные противоречия, в ходе своего развития все более оказывается «склонен» к парадоксам, блефу и иронии. Это не могло не отразиться на стратегиях его осмысления. Если в философии обыденного языка речь шла преимущественно об истинности и непротиворечивости, составляющих условие понимания, то при кризисе самой школы все чаще появляются не менее интересные концепции, которые, однако, носят принципиально ироничный характер. К таким работам, например, можно отнести произведение отечественного автора В. П. Руднева «Вини Пух и философия обыденного языка». В этой работе предложена оригинальная интерпретация известной книги А. Милна, которая рассматривается как произведение, симптоматичное для европейского модернизма. Концептуальная нагруженность определяет парадоксальную стилистику предпринятого автором исследования, объектом которого является, по сути, детская книжка. Тем не менее, сама парадоксальность и даёт возможность по-новому прочесть известный текст, открывая огромное поле дополнительных значений и возможных интерпретаций. Это провоцирует к продолжению исследований в постоянно изменяющейся ситуации обыденного языка.

Повседневное использование языка отражает принадлежность говорящего к той или иной социальной и культурной общности. В современных условиях это означает новую динамику обыденной речи, проявляющуюся в возможности «менять» стратегию речевой коммуникации в зависимости от аудитории. Речевые практики обретают существенный диапазон вариантных форм, определяемых социокультурными параметрами.

Культурная динамика и многообразие общественных объединений, порождающих варианты языковых практик, приводят к различиям в употреблении одних и тех же слов. Живой разговорный язык не является замкнутой системой, он постоянно регенерирует, меняются его элементы, упрощаются его грамматическая структура и синтаксис. Появляются новые слова, соответствующие текущему состоянию культуры, или из запасников прежнего опыта извлекаются старые, забытые слова, однако в ином, современном качестве. В настоящее время особенно ярко языковые изменения проявляются в сетевом пространстве.

Новой формой фиксации опыта, получившей развитие во второй половине XX в., стала электронная коммуникация, представленная, прежде всего, мобильной связью и Интернетом. С рождением и развитием Интернета происходят существенные изменения в современной языковой практике. Он представляет собой коммуникативное пространство, где особым образом функционируют знаковые системы, в первую очередь, язык. Общение в Сети объединяет большое число коммуникативных практик, типов дискурсов, которые тяготеют к речевому формату. Множественность таких практик, с одной стороны, определена большим числом сообществ, в рамках которых коммуникация обретает собственный «формат», как лексический,

так и структурный. С другой стороны, язык Интернета включает в себя устный, письменный, визуальный, аудиальный и эмоциональный компоненты, в комплексном сочетании представляющие живое, актуальное и прямое общение собеседников, в идеале не имеющее ограничения по числу участников.

Сама возможность осуществления данного типа коммуникации возникает в связи с развитием новых информационных технологий. Взаимодействие в процессе общения осуществляется опосредованно благодаря наличию технических устройств (компьютера, мобильного телефона и т. д.), что создает уникальные условия для получения, обмена, порождения новой информации. Такой тип коммуникации также обеспечивает эмоциональную комфортность, отвечающую потребностям современного человека, у которого в силу интенсивности современной жизни остается слишком мало времени на общение. Интернет-общение не заменяет непосредственную встречу с друзьями, но позволяет удерживать круги общения посредством так называемых «слабых связей»: обмена приветствиями, просмотра фотографий, поздравлений с праздниками и т. д. Такое общение не обременительно и, тем не менее, вызывает ощущение поддерживаемого контакта и осведомленности о жизни дружеского окружения.

В данных взаимодействиях формируется особая ёмкая знаковая система, которая именуется Интернет-языком. Можно предположить, что в идеале такой язык должен обладать «прозрачностью» и достоверностью, которые будут затребованы самой сетевой средой. Но фактически Интернет достаточно быстро превращается в информационную «свалку», где данные не проверены, концепции «безумны», а системы авторитетности имеют специфические основания: либо рейтинговые (причём «производство» показателей довольно быстро приобретает сомнительный характер), либо иерархические (в пределах конкретных групп и сайтов), либо какие-то иные, тоже имеющие частный характер. Во многом эта ситуация является следствием отсутствия единой цензуры и ощущения свободы в выражении своих мыслей.

В целом ситуация развития электронной коммуникации и Интернет-языка является естественным процессом, имеющим как позитивные, так и негативные аспекты. Но как бы то ни было, перед нами совершенно особое, уникальное явление, характеризующееся рядом специфических черт.

Интернет-язык, несмотря на то, что он формируется в информационном пространстве, специализируется не на трансляции сведений, а на активной языковой (и в целом знаковой) деятельности индивида, а также создает систему «указателей», «маркеров», ориентирующих в современном социокультурном пространстве. Это и позволяет данной коммуникативной практике быть столь полифоничной. Кроме того, язык в сетевом режиме функционирования претерпевает структурные, лексические, грамматические, стилистические и многие другие изменения. Данный тип языковой деятельности имеет комплексный характер, объединяя различные типы дискурсов, речевые и письменные практики, вербальные и специфические паралингвистические средства (прежде всего, графические, например, «смайлики»), включая в коммуникативную практику музыку и изображения и т. д. Интернет-язык интерактивен, ориентирован на открытое общение: создающий послание заведомо

предполагает, что оно будет получено адресатом (или группой), целенаправленно или в достаточной мере случайно. Данный тип языка обладает ёмкостью и компактностью, допуская предельную компрессию высказывания и сведение его к целостному, часто метафорическому образу, поскольку предполагает определенный контекст, предоставляемый самой Сетью.

В первую очередь мы обращаем внимание на специфичность лексики Интернет-пространства. Например, специальная компьютерная лексика упрощается до обиходной, стилизуясь в порядках повседневных речевых форм. Кроме того, вследствие распространения Сети в пространстве всей планеты и принципиального мультилингвизма современной культуры данный язык достаточно быстро был ориентирован на английский как исходный. При этом сохраняют своё значение сетевые пространства, функционирующие в рамках национальных речевых практик, в частности, особым явлением стала русскоязычная часть Сети — Рунет. Однако язык Рунета насыщен англицизмами (gameг-геймер-игрок, user-юзер-пользователь и др.), в том числе появились русифицированные неологизмы (юзать, комп и т.д.), которые вместе с «технологической лексикой» (to upgrade-апгрейдить) и просторечиями составили основу для последующих лексико-семантических игр. Часто такая лексическая модернизация обусловлена намерением избежать непривычных, труднопроизносимых или длинных слов (например, «клава» вместо «клавиатура»). Но к этому добавляется еще и ощущение радости от словотворчества, в котором проявляется иносказательность, метафоричность, сакральность новых языковых форм, ориентированных на определённую группу «посвященных». Новые глагольные конструкции отличаются (видимо, в связи с тем же интенсивным творческим процессом в сетевом языке) особой агрессивностью, в них включаются такие слова, как «сносить», «убивать», «резать» и т. д. В процессе словотворчества также активно используется метонимия (замена смежным по значению словом; например, слово «ксерить» было образовано путём закрепления названия фирмы за именованием процесса копирования).

Специфические лексические позиции именуют обычно жаргоном или сленгом, подразумевая узкую среду использования и сниженную в ценностном языковом отношении манеру речи. Особым фактором, оказывающим влияние на формирование своеобразной манеры Интернет-речи, является сквернословие, которое на фоне запрета на использование нецензурной лексики развивается в разных направлениях: использование слов, созвучных или каким-либо образом ассоциирующихся с нецензурными, замена букв в нецензурных словах различными знаками или другими буквами и т. д.

Наряду с появлением новой лексики в межгрупповом Интернет-общении возникают и самобытные языки. К числу самых известных в Рунете можно отнести «йязык (йезыг) падонкафф», или «олбанский». Данный язык предполагает фонетическую близость к общепринятому звучанию речи, но на письме применяется замена букв. Также активно используются различные формы сквернословия и штампы. Специфической приметой данного языка стало формирование в его рамках новых выражений, многие из которых стали Интернет-мемами («превед», «в Бобруйск,

животное!» и т. д.). Для данного языка характерны слияния слов, использование обычных, но графически неправильных слов в специальных значениях («афтар жжот!») и т. д.

Версий происхождения такого рода языков много. Например, существует устойчивое мнение, что первичным источником данной стилистики был низкий уровень образованности пользователей, а также бесцензурность пространства Интернета. Поэтому как дань «истокам» языковой среды утвердились принципы формальных нарушений. Но эта версия кажется маловероятной, поскольку развитие «языка падонкафф» происходило, прежде всего, на страницах «Живого журнала» (ЖЖ), отличавшегося в должной мере высоким общекультурным уровнем пользователей. Скорее, мы имеем дело со специфическим ироническим отказом от традиционной нормативности, исповедуемым людьми, фактически сформировавшими новую нормативность. «Язык падонкафф» складывается как «правила наоборот», которые требуют тщательного знакомства с первичной языковой практикой и относятся к ней с особой внимательностью. Создание этого новояза связывают с деятельностью Дмитрия Соколовского, создавшего сайт udaff.com. Это был не первый электронный ресурс, провозгласивший принципы свободного использования языка, но, пожалуй, самый знаменитый.

Под воздействием языкового творчества в Интернете сформировались новые стили, жанры и форматы текстовой сетевой культуры. Текст в электронной среде имеет свои характеристики, в частности, предельно приближается к речевой практике. При этом язык Сети будет отличаться, например, от СМС-сообщений, стилистику которых задаёт краткость формы, часто приводящая к малопонятным для «непосвященных» аббревиатурам (VLS-ВЛС-«в любом случае» и др.). Существенным моментом всех электронных языков является мобильность как формального, так и информационного порядка, что говорит о появлении новой электронной коммуникации. Это одна из причин, по которой Интернет-издания, прежде всего, новостные, все более лидируют по отношению, например, к «бумажным». Информационное сетевое пространство позволяет осуществлять выбор источника, качество и объем новостей и т. д. Индивид обретает свободу и активность в информационном поле, позволяющем совмещать межличностную коммуникацию с массовой и социальной. Постепенно это приводит к дифференциации общества на теле-«потребителей» и Интернет-пользователей. В противоположность пассивности потребителей теле-сообщений пользовательская среда принципиально активна. К характеристикам Интернет-изданий можно отнести полифоничность, мультимедийность, интерактивность, а также гипертекстуальность, позволяющую создавать целостность сетевого языка как нелинейно пересекающегося через систему отсылов единого «текста» глобальной культуры.

Как отмечает современный американский социолог Г.Рейнгольд, мобильная связь позволяет преодолевать разного рода ограничения: пространства, законодательства, традиции и т. д. Но сам масштаб существования данного явления никак не отражается на коммуникантах, для которых по-прежнему речь идет о свободном общении. «Треп» в Сети чаще всего не предполагает каких-либо обязательств, часто

замещающая активные действия, превращая индивида в чистого коммуниканта с Интернет-зависимостью. Выплеснув свои эмоции в чат, он спокойно пойдет спать, а не созидать или совершать революцию. В этом плане текстовая культура Сети обладает особой эмоциональностью, нестандартными знаками, в том числе, и пунктуационными, особыми формами, соответствующими правилам узкогруппового взаимодействия и т. д. Языковую реальность Рунета можно охарактеризовать по двум основным чертам. Во-первых, это языковые игры с многоплановым подтекстом, что типично для постсоветской культуры в целом, поскольку разрозненность общества и непрозрачность социальных «правил игры» позволяли ориентировать высказывание одновременно по отношению к различным группам. Ряд исследователей Рунета полагают, что в этом сказывается еще опыт советского пространства, где за весьма изощренными метафорами можно было разыскать политический протестный смысл при прямой дешифровке являющийся абсурдным. Во-вторых, это выработка стереотипных образов, становящихся мемами или медиавирусами, производящими новые смыслы на основании обрывков информации и активно «размножающимися» в Сети.

Несмотря на активное формирование в сетевом пространстве разнообразных сообществ и соблюдение принятых в них норм, в том числе и языковых, определенное дистанцирование между участниками сохраняется. Так, могут существовать отдельные группы старейшин, закрепляются позиции модераторов и создателей и т. д. Поэтому равноправие в общении часто является весьма условным. Тем не менее, по отношению к текстовым правилам «все равны», особенно если речь идет о взаимодействии в социальных сетях. Надо отметить, что последние формируют и особую новостную среду, ориентированную на интересы и установленные контакты пользователя. Это обуславливает способ существования Интернет-журналистики, для которой становится характерна отчетливая «адресность» доставки сообщений с учетом пристрастий, интересов, круга общения и т. д. В этом плане содержание сообщений все более обретает информационно-досуговой характер.

Текст в Интернете имеет различные формы, качество, цели, адресность и т. д. Это и краткие комментарии на форумах, и обстоятельные высказывания на личных страничках, и дискуссии в группах. Интернет-язык обладает высоким содержательным потенциалом, позволяя реализовать его в доступной индивиду форме. Одна из самых емких форм — «ориджини». Это, например, может быть последняя строчка электронного письма или подпись на форумах, дополняющая сведения об авторе, которая является кратким, часто парадоксальным высказыванием-девизом.

Также интересен феномен «сетературы», охватывающей различные формы литературного творчества в Интернете. Сетература включает в себя бесконечное разнообразие форм «текстов», зачастую далеких от «естественного языка». Это могут быть самостоятельные произведения, компилированные продукты или ремейки. Также возможна коллективная модификация литературных произведений, имеющих как сетевое, так и несетевое происхождение. Это может быть «дописывание» последующих сюжетов, идущих в русле изначального авторского замысла. Сам язык, близкий к устному, к просторечным формам создает атмосферу близости и доверия, что позволяет читателю включаться в игру, стимулирует к творческой актив-

ности. Американский профессор, антрополог Бренда Дане (Brenda Danet), активно участвовавшая в Интернет-деятельности и создавшая первый антропологический Интернет-журнал, писала о том, что в современном пространстве Сети мы являемся информационными дикарями. В плане отношения к тексту она отмечала, что он служит, по сути, маской нашему виртуальному Я. Отметим, что данная исследовательница изучала «низовые» сообщества, например, группы серфингистов, их язык и текстовое творчество. С конца 80-х годов она проводила многоплановые исследования он-лайн культуры, в том числе и Интернет-языка. В частности, она обращала внимание на особую игровую ситуацию в Интернете, которую характеризует через такие аспекты, как маскировка идентичности, интерактивность, хакерство и киберпространство, выступающее в роли нового социокультурного пограничья.

Отсутствие реального собеседника в сетевой коммуникации компенсируется предельной эмоциональностью, выражающейся, например, в использовании эмоджона — графического знака-образа, передающего чувства. Эмоциональное переживание фиксируется с помощью смайлика, дополнительных знаков препинания, чередования больших и маленьких букв, изобретения знаковых нагромождений и т. д. Такая знаковая насыщенность компенсирует отсутствие физической встречи и «бедность» текстовых выразительных средств.

В отношении личностных позиций в Интернет-языке существует определенная двойственность. С одной стороны, это анонимность собеседников, использование замещающих идентификационных позиций (аватар, никнейм и пр.), с другой стороны, ценность автора как творца текста, являющегося уникальной «языковой личностью». Участие в языковой деятельности Сети исключительно добровольно и инициировано самими «игроками», для которых здесь существуют оптимальные условия самопрезентации и творческой самореализации. Участники общения заинтересованы в друг друге, хотя эта заинтересованность может носить различный характер: от разделенного удовольствия от общения, до подавления собеседника. В рамках взаимодействий в Интернет-среде устанавливаются этические нормы, складывающиеся, в конечном итоге, в сетикет. Разработка его положений также представляет своеобразное текстовое явление. Нормы оказываются необходимы, поскольку свобода взаимодействия, достигая своего предела в сетевом пространстве, ограничивает сами возможности коммуникации.

Для снятия ряда противоречий и негативных эффектов недопонимания Интернет-язык обращается к иронии в широком спектре возможных ее применений. Это и возможность самоиронии в презентации позиции Я, и мнимое пренебрежение по отношению к описываемым в текстах жизненно важным проблемам, и само отношение к языку. Например, это прекрасно видно на примере большого числа словарей и энциклопедий, содержащих статьи-перевёртыши с «зеркальным» смыслом (Луркоморье, Абсурдопедия и др.). Большую популярность в Интернет-текстах обретают анекдоты и хохмы, иногда заполняя все содержание электронного ресурса. К ресурсам такого рода можно отнести и популярные «цитатники», например, Башорг (Баш) — Цитатник Рунета.

Свобода в Сети, ограниченная только условными этикетными правилами, часто провоцирует индивида на агрессивное поведение, а также на нарушение языковых норм и запретов (флуд, троллинг, спам и т. д.). Такие нарушения направлены на утверждение собственной позиции; на удовольствие, получаемое от девиантного поведения, позволяющего снять усталость от повседневных социокультурных запретов; на преодоление трудностей коммуникации, раскрепощение себя и собеседника, позволяющее достигнуть взаимопонимания. В этом плане Интернет-среда непредсказуема, что держит коммуниканта в некотором напряжении, которое и так существует при переходе в виртуальное пространственно-временное измерение, отличающееся также принципиально иными по отношению к обыденному пространству системами репутаций и структурой взаимодействий.

Факт существования особого Интернет-языка подводит к мысли о необходимости его исследования, эту задачу выполняет возникшая сравнительно недавно Интернет-лингвистика. Она обращается к вопросам функционирования языка в сетевом пространстве, изучает его структуру, стилистику, лексику и т. д. Широкий круг авторов, как зарубежных (Б. Дане, С. Херринг и др.), так и отечественных (Галичкина Е. Н., Горошко Е. И. и др.) трудятся над решением проблем оптимизации и развития сетевой коммуникации.